

Б. Н. ТИХОМИРОВ

ДОСТОЕВСКИЙ ЦИТИРУЕТ ЕВАНГЕЛИЕ

(Заметки текстолога)

С Евангелием, подаренным ему в январе 1850 г. в Тобольске женой декабристов, Достоевский не расставался до конца своей жизни. Книга эта была с ним буквально ежедневно на протяжении более 30 лет. Принадлежащий писателю экземпляр сохранился (он находится в РГБ, бывшей ГБЛ: ф. 93. 1.5в.1). Это издание: Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. СПб.: В типографии Российского Библейского общества, 1823. Многие страницы книги испещрены пометами Достоевского. Немаловажное обстоятельство: это первый полный перевод Нового Завета на русский язык. (Перевод Четвероевангелия был выполнен несколько раньше и вышел в свет отдельно в 1819 г.)

Чтение Соней Мармеладовой Раскольникову евангельского эпизода воскресения Лазаря — символический «фокус» романа «Преступление и наказание». Сцена начинается так: «На комодѣ лежала какая-то книга. Он (Раскольников. — Б. Т.) каждый раз, проходя взад и вперед, замечал ее; теперь же взял и посмотрел. Это был Новый Завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете» (6, 248). В комментарии Полного собрания сочинений писателя высказано мнение, что Достоевский здесь описывает свой личный, подаренный ему декабристками экземпляр (см.: 7, 386). Скорее всего, это действительно так. Отмечу не случайную деталь — следы времени на переплете книги.¹

Но для текстолога важен не столько переплет, сколько то, что находится под переплетом. В 1858—1860 гг. «по благословению Святейшего Синода» перевод конца 1810-х—начала 1820-х гг. был подвергнут капитальной переработке, и начиная с 1861 г. Новый Завет на

¹ Свой собственный экземпляр Евангелия Достоевский описывает и в романе «Униженные и оскорбленные»: «...Новый Завет в русском переводе, исчерченный карандашом на полях и с отметками ногтем» (3, 177). См.: *Коган Г. Ф.* Вечное и текущее (Евангелие Достоевского и его значение в жизни и творчестве писателя) // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 3. М., 1994. С. 27.

русском языке издавался в новой редакции.² Следовательно, ко времени работы Достоевского над «Преступлением и наказанием» (1865—1866 гг.) русское Евангелие существовало в двух различных вариантах. Возникает вопрос: какой текст читает Раскольникову Сонечка?

Из комментария в Полном собрании сочинений можно заключить, что также — по изданию 1823 г. Правда, замечено: «Текст Евангелия здесь и далее Достоевский цитирует неточно» (7, 386). Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается иная и достаточно любопытная картина.

Редакция перевода 1858—1860 гг. текстуально достаточно близка к переводу в издании 1823 г.; и тем не менее она имеет, в частности в эпизоде воскресения Лазаря, целый ряд существенных лексических, синтаксических и других отличий. Приведу наиболее заметные различия в стихах главы 11 Евангелия от Иоанна, цитируемой Достоевским в романе (текст редакции 1860-х гг. приводится по изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. На русском наречии. СПб.: Синодальная типография, 1863):

1823

1863

Многие из Иудеев пришли к Марфе (ст. 19)

И многие из Иудеев пришли к Марфе

а Мария сидела дома (ст. 20)

Мария же сидела дома

Господи! если бы Ты был здесь; брат мой не умер бы (ст. 21)

Господи! если бы Ты был здесь; не умер бы брат мой

Марфа говорит Ему: знаю, что воскреснет (ст. 24)

Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет

я верую, что Ты Христос, Сын Божий, Которому надлежало прийти в мир (ст. 27)

я верую, что Ты Христос, Сын Божий, придуший в мир

Иисус (...) Сам огорчился духом и возмутился (ст. 33)

Иисус (...) Сам восскорбел духом и возмутился

отняли камень от пещеры, где положен был умерший (ст. 41)

отняли камень от пещеры, где лежал умерший

Я и знал, что Ты всегда послушаешь Меня (ст. 42)

Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня

дабы поверили, что Ты послал Меня (ст. 42)

чтобы поверили, что Ты послал Меня

обвитый по рукам и ногам — пеленами; (ст. 44)

обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами;

Тогда многие из Иудеев, пришедшие к Марии, и видевшие, что сотворил Иисус (ст. 45)

Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии, и видевших, что сотворил Иисус

При сопоставлении этих примеров с текстом романа Достоевского обнаруживается, что во всех без исключения приведенных случаях в «Преступлении и наказании» отражены чтения редакции начала 1860-х гг. (см.: 6, 250—251). Еще несколько мелких различий свидетельствуют о том же: в сцене чтения Соней Мармеладовой Расколь-

² См. *Игумен Иннокентий (Павлов)*. О русском переводе Нового Завета // Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М.: Гнозис, 1993. С. 229.

никову «вечной книги» Достоевским цитируется новейший русский перевод Евангелия.

Однако при более тщательном анализе евангельских вставок в «Преступление и наказание» неожиданно обнаруживается, что этот принцип цитации осуществлен не вполне последовательно: в ограниченном количестве случаев, напротив, находим в тексте романа варианты чтений издания 1823 г.:

1823	1863
Был <u>же</u> болен некто Лазарь, из Вифании (ст. 1)	Был_болен некто Лазарь_из Вифании
Марфа, услыш <u>а</u> , что идет Иисус, пошла <u>навстречу</u> Ему (ст. 20)	Марфа, услышав, что идет Иисус, пошла <u>Ему навстречу</u>
Говорят Ему: Господи! <u>поди</u> и посмотри (ст. 34)	Говорят Ему: Господи! <u>пойди</u> и посмотри
Сестра умершего_Марфа_говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе (ст. 39)	Сестра умершего, Марфа, говорит Ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе
Сказав сие,___воззвал громким голосом (ст. 43)	Сказав сие, <u>Он</u> воззвал громким голосом

Есть еще несколько более мелких разночтений, касающихся лишь пунктуационного оформления, которые приведу выборочно. При всей своей «микроскопичности» они также занимают свое место в общей картине:

1823	1863
Иисус, когда увидел ее плачущую, и пришедших с нею Иудеев (ст. 33)	Иисус, когда увидел ее плачущую_ и прешедших с нею Иудеев
но сказал сие для народа_ здесь стоящего (ст. 42)	но сказал сие для народа, здесь стоящего
Иисус говорит им: развяжите его; пусть идет (ст. 44)	Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет

(Здесь только необходимо отметить, чтобы не возникло недоразумений, что отражение в тексте «Преступления и наказания» вариантов чтений в редакции 1823 г. для первых двух приведенных примеров (ст. 33 и 42) устанавливается лишь по прижизненным изданиям романа. В Полном собрании сочинений в результате унификации авторской пунктуации в соответствии с современными правилами эти важные для нас сейчас нюансы оказались сглаженными: парадоксально, но, в отличие от текста Достоевского, академическое издание в указанных местах (ст. 33 и 42) дает варианты чтений, совпадающие с редакцией начала 1860-х гг.)

Как же объяснить обнаруженные следы раннего перевода в тексте евангельских цитат, в целом данных Достоевским по новейшей редакции? Здесь представляется достоверным единственное решение. Первоначально, работая над эпизодом, писатель в рукописи приводил цитаты по своему изданию Нового Завета 1823 г., бывшего у него, как уже

отмечалось, настольной книгой.³ Точно так же и внешне писатель изображает Евангелие Сонечки очень похожим на свое собственное. Но затем в силу каких-то причин (возможно, утверждение Святейшим Синодом нового перевода делало цитирование в печати «устаревшего» текста в редакции 1823 г. нежелательным) евангельские цитаты в «Преступлении и наказании» были приведены в соответствии с изданиями первой половины 1860-х гг. Но эта работа была проведена не очень тщательно: остались невыправленными около дюжины незначительных разночтений, которые и позволяют исследователю восстановить ситуацию.

Есть и аргументы иного рода в пользу того, что первоначально Достоевский использовал в работе над романом текст Нового Завета 1823 г. Это особые, «рабочие» пометы писателя на соответствующих страницах его личного экземпляра. В романе в эпизоде чтения героями Евангелия 11-я глава, повествующая о событиях воскресения Лазаря, не цитируется сплошь, но евангельские фрагменты разделены авторским повествованием. И в книге Достоевского все использованные им стихи отчеркнуты на полях и пронумерованы римскими цифрами в соответствии с тем, как они следуют в тексте «Преступления и наказания». Благодаря этой разметке 249-я и 250-я страницы принадлежавшего писателю Нового Завета в определенном смысле приобретают значение не только источника, но и творческих материалов к роману.

Так же можно квалифицировать и случай, когда слова Христа «Я есмь воскресение и жизнь» (ст. 25), подчеркнутые в экземпляре Достоевского карандашом, в тексте романа выделены авторским курсивом.

Наконец, косвенно о том, что первоначальным источником писателя было именно издание 1823 г., свидетельствует отсутствие разбивки евангельских цитат в «Преступлении и наказании» на отдельные стихи (так же, как в Новом Завете Достоевского), в то время как в изданиях начала 1860-х гг. текст (как это принято и теперь) композиционно членится на отдельные пронумерованные стихи, каждый из которых печатается с красной строки.

Из сделанных наблюдений вовсе не следует, что в новых изданиях «Преступления и наказания» необходимо восстановить в цитатах из Евангелия чтения ранней редакции перевода в соответствии с текстом Нового Завета 1823 г. Вопрос не может и не должен так ставиться уже потому, что неизвестно, кем, по каким причинам и с какой целью был выправлен в рукописи Достоевского первоначальный вариант. Сделано ли это было в редакции «Русского вестника»? Осуществил ли правку сам писатель, но по указанию М. Н. Каткова и Н. А. Любимова, когда вследствие известного конфликта с издателями журнала был вынужден переписывать сцену чтения Евангелия заново?⁴ Или, может быть, ис-

³ О том, что Евангелие, бывшее с Достоевским в остроге, лежало на его письменном столе в Люблино как раз в дни работы над четвертой частью романа, свидетельствует Н. Фон-Фохт. См.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 53.

⁴ См. об этом: *Тихомиров Б. Н.* Из творческой истории романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (София Мармеладова и Порфирий Петрович) // Русская литература. 1990. № 4.

правление евангельских цитат было как-то обусловлено логикой творческой работы Достоевского? Поскольку ни рукописи (черновые или беловые), ни корректуры этой главы «Преступления и наказания» не сохранились, ответа на поставленные вопросы нет.

Впрочем, при анализе обнаружилось несколько разночтений в евангельских вставках в «Преступление и наказание» с соответствующими местами как в издании 1823, так и начала 1860-х гг. Так, например, стих 38 в обеих редакциях перевода тождественно читается: «Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу». В тексте романа: «проходит» (6, 251). В стихе 37 в обеих редакциях: «...сделать, чтобы и этот не умер»; в тексте романа: «чтоб и этот не умер» (Там же). Есть ряд подобных случаев и в отношении пунктуации. По-видимому, все это не замеченные Достоевским описки и опечатки. Эти места, скорее всего, целесообразно привести в современных изданиях в соответствие с каноническим текстом Евангелия, оговорив исправления в примечаниях.

Но один-два случая хотелось бы выделить особо. В стихе 39 первая фраза читается и в издании 1823 и в издании начала 1860-х гг.: «Иисус говорит: отнимите камень». В прижизненных изданиях «Преступления и наказания» в оформлении этой фразы обнаруживается один графический нюанс: «Иисус говорит: Отнимите камень» (Там же). В художественной структуре романа эти слова Христа играют особую роль: евангельский камень, который в сцене воскрешения Иисус велит отвалить от гроба Лазаря, в символическом плане «Преступления и наказания» соотносится с камнем на Вознесенском проспекте, под которым Раскольников «схоронил» (6, 317) кошелек и другие вещи старухи процентщицы. Поэтому появление в тексте Достоевского в этой фразе прописной буквы на месте строчной вполне может играть роль авторского выделения, аналогичного курсиву или акценту, и его желательно было бы сохранить. Однако в академическом издании, в отличие от прижизненных изданий романа, слова Христа напечатаны со строчной буквы. (Показательно, что во всех других случаях у Достоевского сохраняется строчная буква, с которой начинаются слова Христа после двоеточия в канонических текстах: стихи 23, 34, 40, 44. На таком фоне единственная прописная буква дополнительно воспринимается как авторское выделение.)

Во втором случае речь идет об авторском акценте в буквальном смысле. Стих 44, которым Сонечка заканчивает чтение, целиком данный авторским курсивом, напечатан в прижизненных изданиях так: «Тогда многие из Иудеев, пришедших к Марии и видевших что *с*творил Иисус, уверовали в Него». Союзное слово, местоимение *что*, фактически вбирающее в себя весь смысл совершившегося события, всю полноту величайшего чуда, у Достоевского отмечено знаком ударения, отсутствующим и в издании 1823, и в изданиях начала 1860-х гг. (в придачу писатель убирает перед *что* запятую, тем самым как бы ослабляя его формально-грамматическую функцию как средства связи). Если, повторю, эпизод чтения героями Евангелия, сцена воскресения Лазаря является символическим «фокусом» всего «Преступления и наказания», то крохотное словечко *что* оказывается как бы «фокусом» этого «фокуса» и дополнительный акцент на нем, конечно же, не

случаен. Этот знак ударения, отсутствующий в академическом издании, непременно нужно восстановить (и это тем более естественно, что в других случаях в этом издании 13 раз сохранено авторское ударение на местоимении *что*⁵).

Заканчивая свои наблюдения, отмечу также одну, видимо, простую опечатку в евангельской цитате у Достоевского в тексте академического издания, где стих 41 напечатан так: «Иисус же возвел очи к небу и сказал: отче, благодарю тебя, что ты услышал меня» (6, 251). И в прижизненных изданиях романа, и в текстах Нового Завета 1823 и 1863 гг. соответствующее место печатается «...и сказал: Отче! благодарю...» и т. д. Этот восклицательный знак также необходимо восстановить в современных изданиях «Преступления и наказания».

Достоевский цитирует Евангелие. Исключительная по своей содержательности, глубине, сложности встреча двух великих текстов мировой культуры. Особой сосредоточенности, ответственности, точности трепет она от исследователя-текстолога.

⁵ См.: A Concordance to Dostoevsky's Crime and Punishment / Edited by Ando Atsushi, Urai Yasuo and Mochizuki Tetsuo. Vol. 3. С — Я, А — З. Sapporo, 1994. Конкорданс (указатель слов в контексте) к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Составители А. Андо, Я. Урай, Т. Мотидзуки. Т. 3: С — Я, А — З. Саппоро, 1994. С. 1278. (Университет Хоккайдо. Центр славяноведения).

В. А. КОТЕЛЬНИКОВ

КЕНОЗИС КАК ТВОРЧЕСКИЙ МОТИВ У ДОСТОЕВСКОГО

Мотив кенозиса¹ играет исключительно важную роль у Достоевского. Он напряженно переживается и осмысливается в религиозном и этическом планах, пронизывает весь художественный мир писателя, придавая ему всецело христоцентрический характер, ибо всякий кенотический сюжет, всякий кенотический жест в этом мире указывает на Христа, на событие жертвенного самоуничтожения Бога в Сыне Человеческом, на смирение Его, на прятие скорбей, страданий и крестной смерти ради спасения человека и торжества любви.

Именно это событие очень рано и очень остро воздействовало на религиозное сознание Достоевского, на нравственный строй его лично-

¹ Богословско-философская трактовка этого центрального христологического понятия восходит к трудам Климента Александрийского (см.: *Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. 75. Col. 1320—1332). Разработка его в Новое время велась преимущественно протестантскими теологами (начиная с реформатских споров «криптиков» с «кенотиками»); православная мысль обратилась к нему в начале нынешнего столетия (см.: *Тареев М. М. Основы христианства*. 2-е изд. Сергиев Посад, 1908. Т. 1. С. 7—134; *Чекановский А. К уяснению учения о самоуничтожении Господа нашего Иисуса Христа*... Киев, 1910). В современной науке отношение к «русской кенотической традиции» как религиозно-культурному феномену двойственно. Ср.: *Бертнес Ю. Русский кенотизм: к переоценке одного понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков*. Петрозаводск, 1994; *Горичева Т., Мамлеев Ю. Новый град Китеж: Философский анализ русского бытия*. Париж, 1989.